

індивідуального змісту того, що засвоюється в освітньому процесі. Так освіта виконує функцію транслятора культури. Надзвичайно швидкі темпи соціальної поляризації суспільства, розвиток технічної основи культури багатьма культурологами розглядалися як фатальне явище для культури. Але головною тенденцією в розвитку культури тих часів була потреба у формуванні нових духовних орієнтирів, своєрідного бачення краси світу, ствердження естетично розвиненої особистості.

Література

1. Лутай В.С. Філософія сучасної освіти/ В.С. Лутай. – К.,: Магістр-S, 1996.– 256с.
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени/ К. Манхейм – М.: Юрист, 1994. – 462 с.
3. Шадриков В.Д. Философия образования и образовательные политики / В.Д. Шадриков – М., 1993. – 181 с

Шамша И.В.

Национальный университет «Одесская юридическая академия»

ПРОШЛОЕ КАК ВОЗМОЖНЫЙ СМЫСЛОВОЙ ЦЕНТР ОНТОЛОГИИ ВРЕМЕНИ

Человек, как известно – единое целое. Поэтому мысль, которую последовательно отстаивает автор текста на протяжении ряда лет, состоит в том, что приоритет, отданный одному из модусов времени, нарушает это единство, такой приоритет противопоставляет модусы времени один другому, в конечном итоге, противопоставляя человека и миру, и самому себе.

Между тем, в последнее время в литературе все чаще высказываются мысли о том, что прошлое можно рассматривать в качестве альтернативы настоящему и будущему. Эти модусы времени, как бы «не оправдывают» ожиданий исследователей и человечества в целом в эпоху Постмодерна, поэтому, возможно, прошлое может стать тем модусом времени, вокруг которого должна выстраиваться онтология времени. Прошлое увлекает, прошлое захватывает, оно соблазняет, создавая параллельные реальности. Среди философов, исследования которых повлияли на понимание

прошлого как модуса времени, можно назвать И.Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, Э.В. Ильенкова. Среди новейших исследователей, интересующихся этой проблемой можно назвать Н.Г. Мозговую, А.А.Кургана, М.С. Назаренко и др.

Исходная проблема позволяет поставить главную задачу настоящего исследования – это ответ на вопрос: «Может ли прошлое мыслиться в качестве модуса времени, находящегося в центре онтологии времени?». Для ответа на этот вопрос понадобится обратиться к анализу этого модуса времени и предложить синтез трех модусов времени, который позволит помыслить человека в единстве с миром.

Для реализации поставленной задачи применяется диалектический метод. Необходимость применения последнего обусловлена самим исследуемым предметом – время является двойным отрицанием, оно противоречиво. Это значит, что применение других методов оставит проблему неразрешенной, поскольку эти методы сделают видимым один из аспектов времени – скажем, одну только бытийность или небытийность последнего. По глубочайшему убеждению автора текста, без применения диалектического метода не постигнуть бытийно-небытийной природы времени во всей полноте, а значит, и не помыслить человека в единстве с миром.

Итак, приоритет, отданный одному из модусов времени, как было сказано выше, приводит к противопоставлению этих модусов, что разрушает единство человека с миром. Поэтому начнем с того, что не станем отдавать приоритет прошлому. Однако, необходимо выяснить, можно ли это сделать *в принципе*? Например, в классической философской традиции и в некоторых направлениях неклассической (позитивизм), настоящее мыслится в качестве наиболее бытийного модуса времени. Обусловлено это определенными онтологическими свойствами настоящего, которые позволяют разместить этот модус в центре онтологии времени. Философ может занимать любую теоретическую позицию относительно настоящего – отдавать ему, или не отдавать приоритет – но он не может отрицать онтологических свойств настоящего, в котором пребывает бытие. Обладает ли прошлое как модус времени подобными свойствами?

В новейших публикациях в последнее время неоднозначно высказывается мысль о том, что, возможно, прошлое выступает тем модусом времени, который должен стать опорой для остальных модусов, поскольку они недостоверны. Эта мысль выражается через осмысление

восточной (японской) философии, которая может стать альтернативой западноевропейской философской мысли [5, с. 174]. Н.Г. Мозговая подчеркивает, что восточная мысль в понимании времени восходит не от прошлого к будущему, как западноевропейская, на наоборот – от будущего к прошлому [5, с. 178]. Это не может удивить, поскольку прошлое оказывается самым онтологически надежным модусом времени, создающим опору в феномене человека не на новаторство, а на традицию. Постольку, поскольку восточная мысль способна стать альтернативой западноевропейской, прошлое может стать альтернативой настоящему, которое мыслилось в качестве наиболее бытийного модуса времени в классической философской традиции, или будущему. Также возможный приоритет прошлого перед остальными модусами времени осмысливается в контексте философии постмодернизма (в частности, философского наследия В.Беньямина) [4, с. 287]. Это также не может удивить, так как постмодернизм как направление философской мысли, характеризуется ощущением «конца истории». Настоящее разочаровывает, а будущее – ужасает.

Благодаря феноменологии внутреннего сознания времени Э. Гуссерля [2, с. 21, 62], кантовскому времени как априорной способности чувственного созерцания [3, с. 56] и времени Г.В.Ф. Гегеля, как двойному отрицанию [1, с. 58–59], становится видимой главная проблема правильного понимания прошлого.

В феноменологии внутреннего сознания времени Э. Гуссерля понимание прошлого осуществляется через анализ *«наслоения» ретенций* [2, с. 69, 73] и *надвигания временных полей* [2, с. 74]. Предложенный Э. Гуссерлем анализ внутреннего сознания времени позволяет сформировать важную мысль – мысль о том, что настоящее как бы «обрамлено ореолом» из прошлого (ретенций) и будущего (протенций). Поскольку прошлое понимается Э. Гуссерлем как прошлое «теперь», то каждый момент прошлого является прошлым моментом «теперь», «обрамленным» своими недавним прошлым и возможным будущим. Эта мысль Э. Гуссерля была бы невозможной без гегелевского понимания прошлого как *небытия бытия* [1, с. 59], поскольку уже в этом определении прошлое оказывается *прошлым настоящим*. Итак, по Э. Гуссерлю, каждый прошлый момент «теперь» имеет свое возможное будущее, которое – понятно – распадается на конкретные возможности, которые стали настоящим и – абстрактные возможности, которые так и остались нереализованными возможностями. Эти возможности не

реализуются уже никогда. Поэтому мысль о том, что время может восходить от будущего к прошлому, необходимо должна содержать в себе пояснение – к какому именно прошлому восходит время. Дело в том, что время содержит в себе *прошлое будущее* (будущее какого-то прошлого «теперь»), а это будущее содержит в себе абстрактные и конкретные возможности. Если время восходит к конкретным возможностям *прошлого будущего*, превратившимся в настоящее, то наиболее бытийным модусом времени оказывается именно настоящее, а не прошлое. Если же время восходит к абстрактным возможностям *прошлого будущего*, то образуется, своего рода, тупиковая ветвь времени, в которой можно и «заблудиться», потеряв настоящее. В этом понимании время является полностью субъективным, априорной способностью чувственного созерцания и окончательно отрывается от реальности.

Если же отвлечься от гуссерлевской мысли о ретенциях и протенциях и считать, что время восходит от настоящего момента «теперь» к прошлому моменту «теперь», понятыми без всякого «ореола», то все равно восхождение будет осуществляться постольку, поскольку существует настоящее «теперь». Уже в том, что это настоящее *есть*, содержится критерий для различения абстрактного и конкретного, благодаря которому в прошлом «теперь» станут видимыми только те возможности, которые смогли конкретизироваться в настоящем. Таким образом, все равно настоящее окажется наиболее бытийным модусом времени.

Следовательно, проблема правильного понимания прошлого находится в плоскости понимания того, что возможности могут быть абстрактными, а могут быть конкретными. Как и будущее, прошлое содержит в себе и те, и другие возможности. Антропологическая онтология времени должна основываться на диалектическом единстве абстрактных и конкретных возможностей в прошлом – единстве, в котором преимущественно обладают конкретные возможности, но которые утрачивают свой эвристический потенциал, если их отделить от возможностей абстрактных.

Общий вывод состоит в том, что прошлое как модус времени не обладает онтологическими возможностями, позволяющими помыслить его в качестве смыслового центра времени, вокруг которого будет выстроена антропологическая онтология времени.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – Т. 2. Философия природы / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; Отв. ред. Е.П.Ситковский. Ред. коллегия: Б.М.Кедров и др. – М.: Мысль, 1975. – 695 с. – (АН СССР. Институт философии. Философское наследие).
2. Гуссерль Э. Собрание сочинений. – Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени / Эдмунд Гуссерль / Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, перевод В.И.Молчанова. – М.: Гнозис, 1994. – 162 с.
3. Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант / Пер. с нем. Н.Лосского сверен и отредактирован Ц.Г.Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Мысль, 1994. – 591, [1] с. – (Философское наследие).
4. Назаренко М.С. Минуле як соціокультурний орієнтир в епоху постмодернізму / М.С. Назаренко // Науковий часопис НПУ імені М.П. Драгоманова. Серія 7. Релігієзнавство. Культурологія. Філософія: [зб. наукових праць] / ред. рада: В.П. Андрущенко (голова). – К.: Видавництво НПУ імені М.П. Драгоманова, 2012. – Вип. 28 (41). – С. 283–289.
5. Мозгова Н.Г. Особливості філософсько-антропологічних вимірів буття людини в японській соціо-культурній традиції / Н.Г.Мозгова // Науковий часопис НПУ імені М.П. Драгоманова. Серія 7. Релігієзнавство. Культурологія. Філософія: [зб.наукових праць] / ред. рада: В.П. Андрущенко (голова). – К.: Видавництво НПУ імені М.П. Драгоманова, 2012. – Вип. 28 (41). – С.173–180.

Юхимчук А.В.

*Одеський інститут фінансів
Українського державного
університету фінансів та міжнародної торгівлі*

ОСОБЛИВОСТІ РОЗУМІННЯ ПРИРОДИ ЛЮДИНИ В КИТАЙСЬКІЙ ФІЛОСОФІЇ

Сучасні соціально-політичні реалії актуалізують розгляд питання природи людини. У західному суспільстві поширюються різноманітні філософські вчення філософії Сходу. На наш погляд, це пов'язано з тим, що китайська традиція залишила свою самобутню традицію, та досі